

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТА

С.В. Тихонова

ТИХОНОВА Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Для связи с автором: segedasv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 17.11.2014. Принята к печати: 09.04.2015

Аннотация. В статье рассматривается эволюция социальной реальности Интернета. По мнению автора, типовые свойства социальных интеракций закладываются не только эксплицитно, на уровне алгоритмов взаимодействия, но и имплицитно, на уровне ценностных предпосылок и ориентаций социального действия. Так как изначально мир Интернета конструировался на платформе симбиоза ценностей научного этоса, информационного либерализма и виртуальной демократии, он развился в альтернативное анонимное киберпространство, серую зону, в которой не дифференцированы частное и публичное, а анонимность пользователей защищает их свободу слова и самовыражения. Распространение социальных сетей приводит к смене парадигмы анонимности парадигмой персонализированности. Социальные сети предполагают создание личных профилей, содержащих реальные персональные данные и информацию личного характера, причем чем выше ее достоверность, тем выше шансы на рост интеракций. Интернет благодаря социальным сетям активно социализируется, вбирая в себя те модели взаимодействия, которым прежде предлагал альтернативы. Социализация Интернета – это процесс, обратный процессу виртуализации общества. Если в ходе виртуализации взаимодействие с реальными социальными инстанциями замещается анонимным оперированием виртуальными образами, то в ходе социализации виртуальные образы обрастают реальными, “живыми”, персонализированными социальными связями. Распространение социальных сетей приводит к демократизации Интернета и, как следствие, сближению моделей “живого” общения и интернет-взаимодействия. Этот процесс связан с институционализацией публичной сферы Интернета, вызванной построением электронного государства. В итоге социальная реальность Интернета интегрируется в традиционный социальный мир, открывая новый уровень социальной эволюции.

Ключевые слова: социальные сети; Интернет; социальная реальность; современное общество; социальное развитие; идеология Интернета; социализация Интернета.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Выступая одновременно и средством связи, и уникальной социальной средой, Интернет обеспечил новый ракурс для исследований проблем социальных интеракций и социальных связей, позволив разграничить универсальные и типовые, порожденные использованием новых медиа, характеристики социального сетевого действия. Типовые характеристики закладываются специалистами по IT-технологиям как результат их собственного социального опыта, идеалов и предубеждений. Именно они определяют уникальность нового коммуникационного пространства и выступают очередным рубежом

в развитии форм социального взаимодействия — например, при появлении сервисов социальных сетей, вызвавших рост и модификацию сетевого взаимодействия в Интернете.

Исследование социальных сетей стало трендом последних десятилетий в социогуманитарном знании, и политическая наука не исключение. Корпус исследований, посвященных сетевому взаимодействию в политике, активно растет, закладывая основу теории политических сетей. В западной традиции можно выделить две теоретические школы — англосаксонскую и немецкую. А.А. Курочкин рассматривает их методологии как два направления: гносеологическое, связанное с развитием теории сетей в методологическом аппарате социальных наук, и онтологическое, детерминированное распространением в последней четверти XX в. в политике новых сетевых форм координации и управления [Курочкин 2011: 117].

Англосаксонская школа посредничества интересов развивает гносеологическую версию сетевого подхода, интерпретируя сеть как методологическую абстракцию, используемую для объяснения неформального политического посредничества между разными центрами сил. Один из основателей школы Родерик А.В. Роудс впервые исследовал политические сети британского правительства [Rhodes, Marsh 1992; Rhodes, Bevir 2003]. Немецкая управленческая школа трактует сети онтологически, как реально существующую форму политического взаимодействия. Отличия немецкой школы от англосаксонской были концептуализированы ее представительницей Таней А. Бёрцель [Börzel 1998]. Два этих вектора не противостоят друг другу, а скорее дополняют и обогащают. Вместе они генерируют особое исследовательское поле, в котором возможно формирование постнеклассической, динамической панорамы современной политики.

В России сетевой подход к политике начал свое формирование в трудах Л.В. Сморгунова [Сморгунов 2001a; Сморгунов 2001b], получив свое развитие в исследованиях Т.В. Беспаловой и О.В. Костюченко [Беспалова, Костюченко 2012], Г.В. Косова, В.А. Потапова, В.А. Ширяева [Косов, Потапов, Ширяев 2013], А.А. Курочкина [Курочкин 2011], И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозовой [Мирошниченко, Морозова 2009] и других авторов. Отечественные исследователи все еще акцентируют теоретико-методологический потенциал теории, тогда как зарубежные ученые интенсивно реализуют его в эмпирических прикладных программах. В целом сетевые исследования в политике закономерно ориентированы на собственно политические сети — сетевые структуры, возникающие в политической практике, формируемые политическими акторами и выполняющие политические функции. Вместе с тем, сетевой подход применим для отражения более широких процессов отношений между публичной и частной сферами общественной жизни, для установления их границ и процессов их взаимопроникновения. Создание новых типов социальных сетей, распространение инструментов организации и управления социальными сетями (устройств и сервисов), появление новых поколений таких инструментов заслуживает внимания политической теории не только в силу неизбежности интеграции новых сетевых инструментов в политическую жизнь. Эволюция социальных сетей, детерминированная новыми коммуникационными революциями, серия которых далека от завершения, способна изменить облик политики, вызвать к жизни новые ее формы. Сетевой подход чувствителен к этим трансформациям и может оказаться

продуктивным для разработки новых макромоделей “общество – политика”, анализа эволюции электронных форм политической деятельности, описания современной динамики процессов легитимации.

Гипотезой данного исследования выступает предположение о том, что коммуникативные стратегии акторов электронной сетевой коммуникации детерминированы каналом-посредником не только на операциональном, но и на нормативно-ценностном уровне. Использование конкретных медиа требует существования ролевых схем¹, поддерживающих совокупности норм, предписывающих акторам “правильную”, “стандартную” модель коммуникации с помощью данного канала, включающую правила выбора кода интерпретации сообщения, установления и прекращения контакта, телеологию (набор допустимых целей взаимодействия). Чем сложнее использование канала, тем специфичней характерные для него ролевые схемы. Упрощение использования, сближение его по легкости с “естественной” коммуникацией снижает востребованность специализированных коммуникативных схем, актуализируя нормативно-ценностные системы “естественных” социальных ролей. Технологическое развитие Интернета приводит к появлению новых видов социальных сетей, особенности взаимодействия в которых отличаются от предыдущих форм.

Рассмотрим феномен социализации Интернета, в ходе которой в анонимном анархичном киберпространстве начинают распространяться социальные связи и отношения, характерные для “традиционной” социальной офлайн-реальности, сглаживающие альтернативный характер социального мира Интернета, обогащающие его развитие и порождающие новые формы социального контроля. Целью данного исследования является анализ изменения ценностно-нормативных установок сетевой коммуникации в Интернете под влиянием распространения сервисов социальных сетей. В качестве методологии исследования используется коммуникационный подход. Он близок часто применяемому в политической коммуникативистике коммуникативному подходу, направленному на выявление структуры сети, характеристик акторов, ее составляющих, особенностей взаимосвязей и ролей [Шерстобитов 2010], однако акцентирует роль канала в процессе коммуникации, ее технико-технологическую основу и последствия коммуникационных инноваций.

АНОНИМНОСТЬ В СИСТЕМЕ “КЛАССИЧЕСКОЙ” ИНТЕРНЕТ-ИДЕОЛОГИИ

Рассмотрим нормативную систему “классического”² Интернета. Социальная среда киберпространства стала культурным продуктом калифорнийской

¹Традиционный для социологии термин “социальная роль” не всегда подходит для описания интернет-коммуникации. Интернет-взаимодействие в виртуальных сообществах может принимать характер самостоятельной социальной роли со всеми ее атрибутами (адаптация, идентификация, ценностно-нормативная система, экспектация, согласие и пр.). Однако оно может выступать инструментом поддержания обычных социальных ролей, не привнося в ролевое поведение ничего принципиально нового, кроме режима коммуникации. Используя словосочетания “коммуникативная схема”, “ролевая схема”, мы хотим подчеркнуть следующее обстоятельство: в ходе дистантной коммуникации Интернет концентрирует личность до мировоззрения и коммуникативного стиля, а социальные роли редуцирует до коммуникативных схем. Но эта редукция обратима, схема может быть опять возведена в роль через усложнение и обогащение ее структуры.

²Интернет первого поколения (Web 1.0), предполагавший профессиональное создание контента. Интернет второго поколения (Web 2.0) ориентирован на создание контента силами пользователей, на социальность и мобильность, “переселение” информации пользователей со стационарных компьютеров в сеть, доступ к которой осуществляется через различные гаджеты.

идеологии — причудливого сплава культурной богемности Сан-Франциско с высокотехнологичными индустриями Силиконовой Долины³. Здесь впервые соединились технократические идеи ученых и инженеров, разрабатывающих новейшую вычислительную технику, идеология хакеров, постулирующая свободную циркуляцию информации, социологические и футурологические пророчества теоретиков постиндустриального общества, хиппистско-анархистские идеалы субкультур, а также идеи экономического либерализма “джефферсоновской демократии”⁴. Калифорнийская идеология [Федосеев, Майданская 2012: 2] обеспечила сращение базовых ценностей научного этоса с идеями информационного либерализма и виртуальной демократии.

М. Кастельс подчеркивает, что “Интернет был рожден в результате кажущегося невероятным пересечения интересов большой науки, военных исследований и либертарианской культуры” [Кастельс 2004]. Инновативную открытость Интернета он прямо связывает с “техномеритократической культурой, уходящей своими корнями в мир науки. Это культура веры во врожденную полезность научно-технического развития как ключевой составляющей прогресса человечества. Таким образом, она является прямым продолжением Просвещения и современности” [там же]. Интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на профессорских “командных высотах” и в аспирантских “окопах”, откуда соответствующие ценности, обычаи и знания проникли в культуру хакеров.

Связь моделей общения в интернет-среде с контекстом университетской культуры и научного этоса была изначальной. Конечно, это не означает прямого тиражирования ценностей и идеалов научного этоса в Интернете. Речь идет об идейном фундаменте нового нормативного материала. Институт науки формировался в тесной связи с традициями первых европейских университетов, предполагавшими общение профессионалов сквозь призму социального единства равных. Формулирование утопий — важная часть проекта Просвещения. А. Строев отмечает, что в XVIII в. братства масонов и ученых основывались на утопических и мистических трудах XVII в. (таких как “Описание христианской республики” И.В. Андреэ, “Новая Атлантида” Ф. Бекона, “Дорога света” Я.А. Каменского), в которых связываются воедино построение идеального общества и восхождение к высшему знанию [Строев 1998: 28]. Отдельные их тезисы были использованы в Англии при создании первых научных обществ, а в целом они стали платформой для просвещенческой концепции Республики Словесности.

Этот идеал в наиболее концентрированной форме выражен в классической работе Р. Мертона [Merton: 1973]. Этос науки он определял как эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, признанных обязательными для представителей науки [ibid.: 268-269]. Мертон подчеркивает, что этос науки не кодифицирован, но косвенно он может быть выведен из морального консенсуса ученых, выражающегося в сочинениях о духе науки и нравственном возмущении, вызываемом нарушениями этоса. Мертоновская концепция

³ Барбрук Р., Камерон Э. Калифорнийская идеология. — *Zhurnal.ru*. Доступ: <http://www.zhurnal.ru/4/califl.htm> (проверено 29.02.2016).

⁴ Емелин В. *Киберпанк и сетевой либерализм*. Доступ: <http://emeline.narod.ru/cyberpunk.htm> (проверено 29.02.2016).

представляет науку на уровне идеалов как автономное сообщество равных, занимающихся бескорыстным познанием истины, которую они передают социуму как общественную собственность и качество которой они контролируют с помощью критики и самокритики.

Как отмечает Е.З. Мирская, классический научный этос продолжал и до сих пор продолжает существовать в самосознании ученых как набор провозглашаемых, а не статистически выполняемых норм, как классический идеал поведения в науке [Мирская 2005], поскольку он охраняет ориентацию на свободное творчество в научном поиске, т.е. сущность и сердцевину научной деятельности. Однако собственно представителями профессии ареал бытования научного этоса не исчерпывается: благодаря системе высшего образования и жанру научной фантастики он популяризируется в культуре.

Интернет формировался как плацдарм свободы, в котором нет места цензуре, государственному принуждению, любым другим ограничениям поиска информации. Эти установки продолжают линию развития научного этоса, встраивая в субкультурную аксиологию свободу, прогресс, равенство и творчество на правах ценностей высокого порядка. Важно, что очень быстро был найден способ гарантирования этих ценностей для каждого конкретного актора, участвующего в интернет-взаимодействии. Им стала анонимность пользователей, произвольно конструирующих свою публичную идентичность. Анонимное киберпространство — альтернативная социальная реальность, противостоящая рутинной социальной реальности с ее аномией и отчуждением. В ней сняты многие традиционные запреты и одновременно отсутствуют традиционные риски, поэтому она так привлекательна для детей, подростков и молодежи.

142

Анонимность — базовый принцип коммуникации в виртуальном мире. Чаты и форумы как коллективные сетевые ресурсы сформировали модель анонимного общения, в котором участники пользуются псевдонимами (никнеймами). Эта модель, учитывая дату ее появления (1974 г.), уже стала трансколенческой. Разумеется, раскрытие анонимности пользователя в условиях интернет-форумов не является чем-то экстраординарным, но оно определяется собственной инициативой пользователя и трактуется как право, а не обязанность. Характерная для Интернета возможность анонимного комментирования и совершения анонимных действий была идеализирована пользователями имиджбордов, давших начало хактивистскому движению “Анонимус”.

Связь практик анонимного взаимодействия и конкретных сегментов Интернета имеет особое значение, поскольку развитие Интернета не исчерпывалось экстенсивным расширением числа пользователей. Постепенно увеличивалось и количество его сервисов (хранение данных, передача сообщений и блоков данных, электронная и речевая почта, организация и управление диалогом партнеров, предоставление соединений, проведение сеансов, видеосервис). Популяризация конкретного сервиса приводит к росту числа его пользователей и распространению характерных для него поведенческих практик. Соответственно, меняются “облик” Интернета, характер доступных в нем действий и его социальная специфика. Через возникшие в разное время сервисы Интернет объединил доступ к разным типам коммуникации — массовой, групповой и личной. Однако доступ этот очень долго не был синкретичным. Одни сервисы обеспечивали существование сегментов Интернета, предназначенных

для массовой коммуникации (электронные издания, новостные ленты, реклама), другие предназначались для личной коммуникации (почта, чаты, форумы, мессенджеры, блоги). Разумеется, все массовые сегменты Интернета предусматривали обратную связь с реципиентом (гостевая книга, электронная почта и т.п.), а личная коммуникация включала в себя возможность массовой и групповой.

ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТАНОВЛЕНИЯ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

В условиях доминирования парадигмы анонимности и фрагментарности (хотя и предполагавшей априорно “кротовые норы” обратной связи) различных инструментов управления коммуникацией осуществлялось построение пользовательских сетей – горизонтальных структур социальных интеракций.

Социологи, начиная с классиков, не раз обращали внимание на существование горизонтальных социальных связей, обладающих структурой сети. Равный статус участников и отсутствие вертикальных элементов властотношений позволяли связывать этот феномен с жизненным пространством личности, со средой интерперсонального общения и самореализации. Самостоятельным объектом исследования сети стали во второй половине XX в. Методологическая установка на понимание сети как источника макроструктуры начинается с исследований М. Грановеттера [Грановеттер 2009: 31-50], считавшего, что анализ процессов в межличностных сетях позволяет объединить разрыв между пониманием социологических процессов в макро- и микроуровнях. Грановеттер утверждал, что “тем или иным способом, но именно при помощи этих сетей происходит перевод микровзаимодействий в макроструктуры и обратный переход к малым группам” [там же: 31]. Дифференциация социальных связей на сильные (комбинация продолжительности, эмоциональной интенсивности, близости, или взаимного доверия, и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь) и слабые позволила ему доказать, что слабые связи есть механизм социальной мобильности. Чем меньше у субъекта не прямых контактов, тем более ограниченными будут его знания о мире, находящемся за пределами его дружеского круга. При этом те, с кем мы связаны слабо, с большей вероятностью входят в круги, в которые не входим мы сами, и тем самым имеют доступ к информации, которой мы не располагаем [там же: 41]. Соответственно, слабые, не прямые связи открывают лифты социальной мобильности. Хотя Грановеттер говорит о манипулировании социальными сетями и анализирует различные стратегии построения сетей разными сообществами, он описывает их как данность: потенциальные узлы сети заданы числом реально включенных в социум индивидов. Индивид определяет силу связей в сети, но он не выбирает саму сеть, поскольку люди выбирают друзей и супругов, но большинством знакомых они обзаводятся по факту попадания в тот или иной микросоциум, будь то семья или производственный коллектив. И уж тем более они не выбирают знакомых.

Поскольку речь идет о межличностных сетях, спектр слабых связей прямо замкнут на психологических характеристиках индивида, в первую очередь на коммуникабельности. Чаще всего для самого индивида слабые связи формируются объективно, стихийно и ситуативно. Он может только научиться замечать циркулирующую в них информацию и обратить ее себе на пользу. Вопрос об управлении социальными сетями и их конструировании

Грановеттер готов поставить на уровне сообществ, но не индивидов. Однако прямо он его не рассматривает.

Возможности построения сетей увеличиваются в условиях применения дистантной коммуникации, максимально упрощающей процедуру установления контакта. Интернет в этом отношении радикально превысил возможности стационарной телефонии: если первая обеспечивает доступ к абоненту, то второй одновременно выступает источником разнообразной информации о пользователе (имя / псевдоним, профессиональный статус, круг интересов и пр.).

Кастельс не случайно обозначил информационное общество как сетевое. Сеть, по его определению, — это комплекс взаимосвязанных узлов, конкретное содержание каждого из которых зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь [Кастельс 1999: 495-496]. Рост числа и видов сетевых структур переводит информационное общество в стадию сетевого, этот переход Кастельс подробно рассмотрел в работе “Восхождение сетевого общества”, первой части трилогии “Информационная эпоха: экономика, общество и культура”⁵. В ней Кастельс отмечает базовые социальные изменения “новой волны”: глобальность, децентрализация, переход от массового производства к гибким формам (включая удаленную занятость). Сетевое общество (сетевую структуру) он определил как социальную структуру, характеризующую, пусть и с большим разнообразием проявлений в зависимости от культурной и институциональной специфики, информационную эпоху развития общества [Кастельс, Киселева 2000: 44]. В целом позицию Кастельса можно свести к следующему: децентрализованные, сетевые и глубоко укорененные процессы социального изменения, использующие информационные и коммуникационные инструменты и создающие новое общество, находясь внутри него, являются новым алгоритмом социальной трансформации. Электронная коммуникация вызывает массовый рост социальных сетей и сетевых интеракций.

Стремясь объективно оценить социальные плюсы и минусы Интернета, Кастельс приходит к следующему выводу: “В противоположность заявлениям, сводящимся к тому, что Интернет — это либо источник обновления общества, либо причина отчуждения людей от реального мира, социальное взаимодействие в Интернете, вообще говоря, не оказывает непосредственного влияния на образ повседневной жизни, за исключением привнесения в существующие общественные отношения онлайн-взаимодействия” [Кастельс 2004]. Иначе говоря, Интернет не деформирует сложившуюся до его появления систему социальных ролей, он лишь включается в сами роли как канал-посредник. Но он существенно и инновационно расширяет тот самый сектор слабых связей, о котором писал Грановеттер. Более того, он трансформирует индивида в субъекта эгоцентрических слабых сетей, позволяя ему целенаправленно устанавливать слабые связи, подыскивая и выбирая подходящих для его целей контрагентов. Любой пользователь Интернета может вступать в контакт и обмениваться информацией с любым другим пользователем, согласным на общение.

ОТ ПАРАДИГМЫ АНОНИМНОСТИ К СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТА

Трансформация Интернета в инструмент управления социальными сетями была усилена благодаря сращению интернет-технологий и мобильной теле-

⁵ Первый том и фрагмент третьего опубликованы на русском языке [Кастельс 2000].

фонии, открывшему доступ к сетям не только пользователям персональных компьютеров, но и владельцам мобильных телефонов. Гаджеты с доступом к Интернету обеспечили новые возможности для создания уникальных сетей, облегчили управление ими, повысили их общую мобильность и, наконец, расширили их. Новый характер социальных действий в условиях распространения интернет-технологий показал Г. Рейнгольд. По его мнению, принципиальная возможность для любого количества людей оперативно договориться о синхронном совершении любых заранее согласованных действий [Рейнгольд 2006] привела к появлению новых форм социальной кооперации. Используя сетевые коммуникации, социальные движения консолидировали людей для проведения тех или иных акций, не формируя между участниками прочных социальных связей, оставляя их анонимными друг для друга, сводя личную информацию к электронному адресу или абонентскому номеру. Создавая сети, пользователи прибегали к почтовой или *sms*-рассылке, использовали форумы и сайты для координации действий. Слабые связи стали слабее, но сетей стало больше, а их управляемость повысилась.

Рейнгольд подчеркивает, что новые интернет-технологии мобильной телефонии позволяют людям совместно действовать в новых условиях, а социальные формы начала XXI в. в целом существенно повысят значимость общественных сетей [там же: 16]. Дальнейшее развитие технологий дополненной реальности массовизирует сетевые практики, делает их оперативными, типовыми и рутинными. Однако вопрос о том, какой будет нормативно-аксиологическая основа этого взаимодействия, не рассматривается Рейнгольдом. Останутся ли связи электронных сетей традиционно анонимными и слабыми? Ответ определяется развитием сервисов, используемых для управления коммуникацией. На момент написания Рейнгольдом “Умной толпы...” эти инструменты были рассредоточены, “разнесены” по разным сферам Интернета, специализирующимся на разных видах коммуникации (личной, групповой, массовой). Эта особенность интернет-среды воспринималась как естественная и атрибутивная, что связано, вероятно, с особенностями социальной рефлексии технологического развития: осознать временный и уникальный характер социальных последствий нового технического устройства мы можем только после того, как он начнет устаревать, вытесняемый новым, более прогрессивным конкурентом.

Новейшим трендом в развитии интернет-технологий стало появление специализированных сетевых услуг, оптимизировавших управление инструментами интернет-коммуникации. За такими услугами закрепилось название “социальные сети”⁶. Они представляют собой платформы, онлайн-сервисы или вебсайты, предназначенные для построения, отражения и организации социальных связей и интеракций, визуализируемых через социальные графы. Первая социальная сеть появилась в 1995 г. (*classmates.com*), однако бум развития социальных сетей пришелся на 2003–2004 гг., когда были запущены *LinkedIn*, *MySpace* и *Facebook*. В нашей стране он связан с появлением сетей “Одноклассники” и “ВКонтакте” (2006 г.). На январь 2016 г. в десятку крупнейших социальных сетей мира вошли *Facebook*, *WhatsApp*, *QQ*, *Facebook*

⁶ Разумеется, социальные сети – не единственный инновационный тренд в развитии интернет-технологий. Мы полностью оставляем за рамками анализа конвергенцию технологий, технологии дополненной реальности и развитие нателных гаджетов, массовизация которых весьма перспективна в отношении радикальных социальных и политических эффектов.

*Messenger, QZone, WeChat, Tumblr, Instagram, Twitter, Baidu Tieba*⁷. Разумеется, частично аудитории этих сетей перекрываются. Однако в целом их распространение отражает тенденцию массовизации Интернета, противостоящую прежнему, элитарному по сути рекрутингу пользователей из околоакадемической среды и когорты белых воротничков. Анонимный мир лидеров прогресса, равных в поиске информации, свободе самовыражения и вере в технологии, ушел в прошлое. Мир социальных сетей оказался также удобен для мейнстрима, как киберпространство – для техноэлит.

Сегодня исследователи отмечают не только рост самих сетей, появление и специализацию их новых видов, но и социализацию традиционных сайтов: любой сайт теперь создается хотя бы с минимальным социальным функционалом [Сергеев, Целых 2009: 90-95]. Существующие сети, включая мобильные, пересекаются и объединяются в соответствии с потребностями пользователей: “Социальные сети являются базовыми инструментами, с помощью которых пользователи постоянно отслеживают и наращивают свою сеть контактов” [Жуликов, Жуликова 2012: 157-158].

Социальные сети предоставляют возможности для обмена практически любой информацией (текстами, фото, видео, аудио) и поддержания списков пользователей, сформированных на основе типовых социальных отношений (дружба, родство, конфессии, аффилиативные сообщества, деловые связи и т.п.). Но самое важное: социальные сети требуют создания личных профилей, содержащих реальные персональные данные и различную информацию личного характера (хобби, религиозные, политические взгляды, любимые кино- и литературные произведения и т.п.). Как отмечает Е.Г. Ефимов, в социальных сетях поддержание существующих и завязывание новых отношений базируется на размещении в сети большого количества достоверной информации о себе [Ефимов 2012: 63-66]. Предпосылка этой тенденции заключается в сближении офлайн-коммуникации “между живыми людьми” и онлайн-коммуникацией в социальных сетях. Популярность и востребованность “живой” модели общения объясняет высокую степень достоверности и количества информации, размещенной в сетях. Достоверная личная информация служит сигналом реальности виртуальной личности пользователя. Таким образом, рост популярности социальных сетей, совпавший с пиком распространения Интернета и его демократизацией, означает перенос в его пространство традиционных моделей “живого общения”. Интернет благодаря социально активным пользователям социализируется, вбирая в себя те модели взаимодействия, которым прежде предлагал альтернативы. Более того, он адаптируется к потребностям поддержания сильных социальных связей, нередко связывая тех, кто ежедневно общается вне сети. Начинается процесс социализации Интернета.

В теоретической социологии и социальной психологии термин “социализация” традиционно применяется к актерам, означая процесс усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных норм и культурных ценностей того общества, к которому он принадлежит⁸. Методология интернет-исследований часто сталкивается с естественным ограничением традицион-

⁷ Leading Social Networks Worldwide as of January 2016, Ranked by Number of Active Users (in Millions). – Statista. URL: <http://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users> (accessed 03.03.2016).

⁸ Современная западная социология: Словарь. 1990. М.: Политиздат. С. 316.

ных дефиниций социальной теории, разработанных для других социальных условий, не знавших общедоступного киберпространства. Одновременно фиксируется давление практик словоупотребления, характерных для массовых пользователей Интернета. Так, например, социальную реальность Интернета и “обычную” социальную реальность, реальное и виртуальное, маркируют посредством слов “онлайн” и “офлайн”, и этот вариант входит в традицию, несмотря на изначально сленговый характер терминологии. Термин “социализация” в контексте интернет-практик начал применяться в конце минувшего десятилетия при веб-разработке для обозначения распространявшейся тенденции усиления коммуникативных инструментов вебсайтов. Что может дать этот переход с уровня профессиональной лексики на уровень научной терминологии? Он может расширить представления о базовом участнике социализации, позволив отнести к нему пространства и среды. Радикальная версия такой методологической позиции развивается акторно-сетевым анализом, рассматривающим артефакты в качестве действующих, активных единиц социальных отношений. Мы придерживаемся более умеренной позиции, не настаивающей на том, что социальные пространства могут быть социальными субъектами (но и не отрицающей такой возможности). Данная позиция акцентирует то обстоятельство, что социальное пространство неоднородно, различные его сегменты в разного рода социальных средах поддерживают циркуляцию разнообразного нормативно-ценностного материала, упорядочивающего интеракции, осуществляемые в данном топосе. Взаимодействие норм и ценностей разных культур исследовалось в теориях аккультурации, мультикультурализма и субкультур, наглядно показавших, что ценности и нормы, регулирующие исполнение социальных ролей, нестатичны и неизменны. В конкретных ситуациях соприкосновения нормы и ценности могут вытеснять, замещать или трансформировать друг друга, вступать в отношения конкуренции или синергии.

Интернет как социальное пространство не является нейтральным, пустымместилищем интеракций. Он способен трансформировать исполняемые с его помощью социальные роли, влияя на них не только через технические ограничения, но и на аксиологическом уровне. При этом сами доминирующие в Интернете нормы и ценности не константные, и нормативно-аксиологическая трансформация ролей не может быть линейной и однонаправленной: в процессе взаимодействия подвергаются изменениям не только роли, но и меняющие их ценности. По мере распространения Интернета и включения в интернет-коммуникации подавляющего большинства членов общества характерная для Интернета профессионально-субкультурная система норм и ценностей будет вытесняться “естественными” нормами и ценностями, свойственными социальной системе в целом. Разумеется, это вытеснение будет сопровождаться сложными и многомерными процессами диффузии, которые в итоге приведут не к смене двух ценностных систем, а к появлению качественно новой третьей системы. Но пока осмысления требует сам процесс экспансии норм и ценностей, характерных для социального пространства офлайна и регулирующих “традиционное” (в противовес “инновационному”, использующему информационно-коммуникационные технологии) социальное взаимодействие, в онлайн-пространство Интернета. Для обозначения этой экспансии, распространения и доминирования в Интернете социальных

норм и культурных ценностей того общества, к которому он принадлежит⁹, а также “традиционных” схем коммуникации, оправданным представляется использование термина “социализация Интернета”.

Социализация Интернета – процесс, обратный процессу виртуализации общества. Термин “виртуализация общества” был выдвинут Д.В. Ивановым для описания экспансии интернет-коммуникации в реальные социальные структуры, замещения реальных социальных феноменов их виртуальными аналогами, в ходе которого социальные идентичности мутируют в порядок симуляции [Иванов 2000]. Если в ходе виртуализации взаимодействие с реальными социальными инстанциями замещается анонимным оперированием виртуальными образами, то в ходе социализации виртуальные образы обрастают реальными, “живыми”, персонализированными социальными связями.

Концепция личных профилей полярна концепции анонимных пользователей. Показательно, что чаще всего пользовательские соглашения предписывают пользователю указывать подлинные персональные данные при регистрации. Требования эти носят скорее декларативный характер, прямые санкции за их нарушение применяются редко. В результате некоторая часть пользовательских профилей представляет собой аккаунты-дубли, созданные по ошибке, а часть – “фейковые” аккаунты известных людей или вымышленных персонажей, созданных ради развлечения, в коммерческих или криминальных целях. Целенаправленное создание фейков во многом продолжает традицию интернет-анонимности, но не в меньшей степени объясняется карнавальными элементами приватного общения. Косвенным, но очень серьезным инструментом связи владельца и профиля является привязка профиля к номеру мобильного телефона в условиях включения в договор о продаже SIM-карт паспортных данных покупателя.

Уход от парадигмы анонимности отражает динамику соотношения приватного и публичного в Интернете. Киберкультура долго позиционировала Интернет как серую зону, где официальные сайты корпорации могут соседствовать с бурлеском частных домашних страниц, и где каждый может скрывать свою реальную личность за личностью виртуальной.

С позиций государства анонимный Интернет рассматривается как источник киберпреступности, а не гражданской инициативы и самоопределения: “свойства виртуального пространства позволяют его пользователям ‘выйти’ из режима, определенного национальным законом, делая все для того, чтобы правонарушения, которые они совершают, не были выявлены, тем самым избегая предусмотренных взысканий со стороны какого-либо государства” [Федосеева 2010: 60]. Антипатия киберкультуры к государству вполне взаимна, негативные оценки Интернета как маргинального анархического антисоциального пространства со стороны представителей государственной власти – явление вполне ординарное. Однако Интернет слишком велик, чтобы одним только государственным принуждением обеспечить его деанонимизацию.

Социальные сети инициировали революцию персонализации снизу. Но достоверная личная информация о пользователях значима не только для самих пользователей, в ней заинтересовано государство – и ради борьбы

⁹ По крайней мере, можно говорить о соотносительности национальной социальной системы и национальной доменной зоны через единый национальный язык общения.

с киберпреступностью, и в целях эффективного построения информационного общества. Информатизация политической власти и создание электронного государства невозможны в условиях невмешательства государства в дела Интернета. Н.Н. Федосеева прогнозирует снижение доли саморегулирования виртуального пространства по мере роста правового регулирования [там же: 169], причем электронное государство и станет инструментом контроля Интернета.

Возможно, сами по себе официальные сайты госструктур не изменили бы ситуации. Однако, во-первых, как мы помним, все современные сайты снабжаются социальным функционалом. Во-вторых, концепция госуслуги как новой формы интеракций государства и гражданина включает государство в интернет-пространство на правах активного и весьма энергичного актора. Приватность плохо совместима с деятельным присутствием государственной власти.

Для регистрации физических лиц на портале “Госуслуги”¹⁰ используется Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА). Реальная потребность в прозрачной идентификации пользователей вне портала Госуслуги.ру появилась также в связи с запуском проекта “Российская общественная инициатива”¹¹, направленного на активизацию и поддержание гражданских инициатив по изменению законодательства. В перспективе ЕСИА станет элементом универсальной электронной системы идентификации гражданина, а также будет использоваться для доступа к облачным сервисам. По мере реализации этого проекта будет формироваться белая, публичная зона интернет-пространства, которая может захватывать и сегменты социальных сетей.

Таким образом, в настоящее время институализируется публичная сфера Интернета, включающая все известные виды социальных дистанций и вертикальные социальные структуры. В итоге неизбежна демаркация частных и публичных сфер Интернета, которая приведет к их дальнейшей дифференциации и специализации их внутренних норм. Публичные сегменты Интернета будут сближаться с моделями взаимодействия вне сети, изживая альтернативный характер интернет-коммуникации.

Беспалова Т.В., Костюченко О.В. 2012. Политические сети в системе государственного управления: основные концептуальные подходы. — *Философия права*. № 3 (52). С. 40-44.

Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей. — *Экономическая социология*. Т. 10. № 4. С. 31-50.

Ефимов Е. 2012. Социальные группы как объект исследования социальных Интернет-сетей. — *Известия Волгоградского государственного технического университета*. Т. 8. № 11. С. 63-66.

Жуликов С.Е., Жуликова О.В. 2012. Феномен социальных сетей: от математической теории к социальной реализации. — *Вестник Тамбовского университета*. Т. 17. Вып. 1. С.157-158.

Иванов Д. 2000. *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское Востоковедение. 96 с.

¹⁰ Портал государственных услуг Российской Федерации. Доступ: <http://www.gosuslugi.ru> (проверено 29.02.2016).

¹¹ Российская общественная инициатива. Доступ: <https://www.roi.ru> (проверено 29.02.2016).

Кастельс М. 1999. Становление общества сетевых структур. — *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia. С. 494-505.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: Государственный университет Высшая школа экономики. 606 с.

Кастельс М. 2004. *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та). 328 с. Доступ: <http://litfile.net/web/431307/436000-437000> (проверено 06.03.2016).

Кастельс М., Киселева Э. 2000. Россия и сетевое общество. — *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 9. № 1. С. 23-51.

Косов Г.В., Потапов В.А., Ширяев В.А. 2013. Политические сети: специфика современной архитектоники. — *Власть*. № 10. С. 64-69.

Курочкин А.В. 2011. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики*. № 8. Ч. 3. С. 117-120.

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. 2009. “Инвесторы политического капитала”: социальные сети в политическом пространстве региона. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 60-76.

Мирская Е. 2005 Р.К. Мертон и этос классической науки. — *Философия науки*. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. Доступ: http://iph.ras.ru/elib/Ph_sc11_1.html (проверено 06.03.2016).

Рейнгольд Г. 2006. *Умная толпа: Новая социальная революция*. М.: Фаир-Пресс. 416 с.

Сергеев Н., Целых Ю. 2009. ГН-модели социальных сетей. — *Известия ЮФУ: Технические науки*. Т. 90. № 1. С. 90-95.

Сморгунов Л.В. 2001а. Сетевой подход к политике и управлению. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 103-112.

Сморгунов Л.В. 2001б. Сетевая методология исследования политики. — *Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ*. Вып. 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. С. 71-85.

Строев А. 1998. “Те, кто поправляет Фортуну”. *Авантюристы Просвещения*. М.: Новое литературное обозрение. 400 с.

Федосеева Н. 2010. *Контроль виртуального пространства как направление деятельности российского государства*. Муром: Издательско-полиграфический центр МИ ВлГУ. 205 с.

Федосеенков А., Майданская И. 2012. Синкретические ценности “калифорнийской идеологии”. — *Науковедение*. С. 1-5. Доступ: <http://naukovedenie.ru/PDF/77prgsu412.pdf> (проверено 29.02.2016).

Шерстобитов А.С. 2010. Коммуникативный подход к анализу политических сетей. — *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. № 1. С. 135-141.

Börzel T. 1998. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance (Book Review). — *Journal of European Public Policy*. Vol. 5. No. 2. P. 354-359.

Merton R. 1973. *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press. 636 p.

Rhodes R.A.W., Marsh D. 1992. Policy Networks in British Government. — *Policy Networks in British Government*. Marsh D., Rhodes R.A.W. eds. Oxford: Clarendon Press. P. 1-26.

Rhodes R.A.W., Bevir M. 2003. Interpreting British governance. — *British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 6. P. 130-136. URL: <http://escholarship.org/uc/item/0zw8f6gp#page-1> (accessed 29.02.2016).

DOI: [10.17976/jpps/2016.03.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11)

SOCIAL NETWORKS: PROBLEMS OF INTERNET SOCIALIZATION

S.V. Tikhonova¹

¹National Research Saratov State University. Saratov, Russia

TIKHONOVA Sophia Vladimirovna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Social Communication Department, National Research Saratov State University. Email: segedasv@yandex.ru

Received: 17.11.2014. Accepted: 09.04.2015

Abstract. The article deals with the evolution of the Internet social reality. The author believes, that the typical properties of social interactions are laid by their developers not only explicitly on the level of interaction algorithms, but also implicitly on the level of value implications and social action orientations. From the beginning the Internet world has been constructed on the platform of symbiosis of scientific ethos, information liberalism, and virtual democracy values, cultivated by Californian ideology. It resulted in the development of alternative anonymous cyberspace or grey zone, in which private and public spheres are not differentiated, and the anonymity of users serves as protection of freedom of speech and self-expression. The spread of social networks leads to the change of anonymity paradigm to personalization paradigm. Social networks imply creation of personal profiles, containing real personal data and different kinds of personalized information. Besides, the higher veracity of personal information is, the higher the chances for the rise of interactions. Because of social networks, the Internet actively becomes socialized, absorbing the models of interaction, it has once been alternative to. The socialization of the Internet is counter to virtualization of society. If in the course of virtualization interactions with real social institutions are substituted by anonymous operation of virtual images, then in the course of socialization virtual images get real “live” personalized social connections. The spread of social networks leads to democratization of the Internet and as a result to making models of “live” communication and Internet interaction closer. This process is connected with the institutionalization of the Internet public sphere, caused by building of electronic state. In the end social reality of the Internet integrates into traditional social world, opening another level of social evolution.

Keywords: social networks; Internet; social reality; modern society; social development; Internet ideology; Internet socialization.

References

- Bespalova T.V., Kostjuchenko O.V. Political Network in State Management System: Base Conceptual Approach. — *Filosofija prava*. 2012. No. 3 (52). P. 40-44. (In Russ.)
- Börzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance (Book Review). — *Journal of European Public Policy*. 1998. Vol. 5. No. 2. P. 354-359.
- Castells M. Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [Society Formation of Network Structures]. — *Novaja postindustrial'naja volna na Zapade*. Pod red. V.L. Inozemceva [New Post-Industrial Wave in the West. Ed. by C.L. Inozemtsev]. Moscow: Academia. 1999. P. 494-505. (In Russ.)
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. (Russ. ed.: Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow: Higher School of Economics. 2000. 606 p.)
- Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society (Russ. ed.: *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve*. Ekaterinburg: U-Faktorija (pri uchastii Gumanitarnogo un-ta). 2004. 328 p.)
- Castells M., Kiseleva E. Russia and Network Society. — *Mir Rossii*. 2000. Vol. 9. No. 1. P.23-51. (In Russ.)
- Efimov E. Social Groups as Object of Research of the Social Internet Networks. — *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2012. Vol. 8. No. 11. P. 63-66. (In Russ.)
- Fedoseenkov A., Majdanskaja I. Syncretic Values of “Californian Ideology”. — *Naukovedenie*. 2012. P. 1-5. Access: <http://naukovedenie.ru/PDF/77prgsu412.pdf> (accesses 06.06.2016). (In Russ.)

Fedoseeva N. *Kontrol'virtual'nogo prostranstva kak napravlenie dejatelnosti rossijskogo gosudarstva* [Cyberspace Control as Activity of the Russian State]. Murom: Izdatelsko-poligraficheskij centr MI VIGU. 2010. 205 p. (In Russ.)

Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. — *Economic Sociology*. 2009. Vol. 10. No. 4. P. 31-50. (In Russ.)

Ivanov D. *Virtualizacija obshhestva* [Virtualization of the Society]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2000. 96 p. (In Russ.)

Kosov G.V., Potapov V.A., Shirjaev V.A. 2013. Political Networks: the Specificity of Modern Architecture. — *Vlast*. No.10. P. 64-69. (In Russ.)

Kurochkin A.A. 2011. The Theory of Policy Networks: Implications for the Formation and Place in Modern Political Science]. — *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No. 8. Part 3. P. 117-120. (In Russ.)

Merton R. *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press. 1973. 636 p.

Mirskaja E. R.Merton and Classical Science Etos. — *Filosofija nauki*. Issue 11. 2005. URL: http://iph.ras.ru/elib/Ph_sc11.html (accessed 06.03.2016). (In Russ.)

Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. “Investors of Political Capital”: Social Nets in the Political Space of a Region. — *Polis. Political Studies*. 2009. No. 2. P. 60-76 (In Russ.)

Rheingold H. 2006. *Smart Mob: The Next Social Revolution*. (Russ. ed.: Rheingold H. *Umnaja tolpa: Novaja social'naja revoljucija*. Moscow: Fair-Press. 2006. 416 p.)

Rhodes R.A.W., Marsh D. Policy Networks in British Government. — *Policy Networks in British Government*. Ed. by D. Marsh, R.A.W. Rhodes. Oxford: Clarendon Press. 1992. P. 1-26.

Rhodes R.A.W., Bevir M. Interpreting British governance. — *British Journal of Politics and International Relations*. 2003. Vol. 6. P. 130-136.

Sergeev N., Celyh Ju. 2009. GH-Models of Social Networks. — *Izvestija JuFU: Tehnicheskie nauki*. Vol. 90. No. 1. P. 90-95. (In Russ.)

Sherstobitov A.S. Communicative Approach to the Analysis of Policy Networks. — *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhduнародnye otnoshenij*. 2010. No. 1. P. 135-141. (In Russ.)

Smorgunov L.V. The Network Approach to Policy Making and Governance. — *Polis. Political Studies*. 2001a. No. 3. P. 103-112. (In Russ.)

Smorgunov L.V. Network Research Methodology Policy. — *Doklady Centra jempiricheskikh politicheskikh issledovanij SPbGU* [Reports of the Centre for Empirical Political Research StPgSU]. 2001b. Vol. 2. P. 721-85.

Stroev A. “Te, kto popravljajet Fortunu”. *Avantjuristy Prosveshhenija* [“Those Who Corrects Fortuna”. Adventurers of Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. 400 p. (In Russ.)

Zhulikov S.E., Zhulikova O.V. Phenomenon of Social Networks: from the Mathematical Theory to Social Realization. — *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2012. Vol. 17. Issue 1. P.157-158. (In Russ.)